

## «Энергетические» теории культуры

Рецензия на: Wilhelm Ostwald (1909) *Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaft*, Leipzig: W. Klinkhardt: 184 S. kl. 8°. (Philosophisch-soziologische Bücherei, red. v. Rud. Eisler, Wien, Band XVI)

doi: 10.22394/2074-0492-2020-4-180-203

180

Профессора В. Оствальда из Лейпцига, если совсем отвлечься от предметной широты его работ, в наибольшей степени отличает редкое искусство изложения. Речь здесь не идет о слишком распространенной сегодня эстетике стиля. Относительно вопросов «стиля» его искусство как раз наоборот выражается в слишком редкой сегодня способности с краткостью и ясностью предоставить слово самому «предмету» и отойти в сторону, минимально используя такого рода средства. Под искусством изложения здесь, скорее, подразумевается качество мыслительных инструментов, которые он умело использовал для «упрощения» мыслимых объектов. Даже полный дилетант оценит исключительную элегантность такой искренности. Если тот прочитает обычно очень скудно изложенные общие части старых химических компендиумов, например, о весе атомов, их соединениях и всем с этим связанным, об отличии понятия «распад» от понятия «соединение», об электрохимических проблемах, об изомерии и т. д., то сможет оценить удивительную экономию сил, возникающую в результате стремления автора обой-

---

Перевод выполнен с оригинала: Max Weber (1909) «Energetische» Kulturtheorien. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 29 (2): 575-598. Перевод с нем. О.В. Кильдюшова.

Публикация подготовлена в рамках проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ «Этика солидарности и биополитика карантина: теоретические проблемы культурно-политических трансформаций в эпоху пандемий», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

тись в изложении без гипотез и ограничиться действительно «общим» в химических процессах.

На фоне этого уникального достижения становится вполне понятно, что для Оствальда, как и для его духовного собрата Маха, особенно характерна одна ошибка. С одной стороны, он в *логическом* плане 1) абсолютизирует определенные естественно-научные формы абстракции в качестве масштаба научного мышления вообще. Соответственно он 2) считает несовершенными и отсталыми гетерогенные формы мышления, необходимые для (говоря языком Маха) «экономии мышления» при постановке проблем в *других* дисциплинах, поскольку те не обеспечивают того, что и не входило в их целеполагание. Таких гетерогенных вспомогательных мыслительных инструментов требует «экономия мышления» не только в истории в самом широком смысле, но и в биологии, причем, здесь следует особо подчеркнуть, *независимо* от того, понимается ли та «виталистски» или «механистически». С другой стороны, он пытается в *предметном* плане 3) представить возможный максимум всех событий в качестве частных случаев «энергетических» отношений. Наконец, 4) страстное желание интеллектуально овладеть объектами через свои понятийные средства преследует его даже на территории *долженствования* и провоцирует выводить меру оценки чисто в духе «ведомственного патриотизма» из того, что присуще собственной области исследования. Это выворачивание «картины мира» одной дисциплины до «мировоззрения» сегодня стало общераспространенной привычкой. Известно то, как это реализуется в дарвинистски фундированной биологии, что у научных антидарвинистов (конечно, сегодня это *относительное* понятие) характерным образом оборачивается более или менее экстремальным пацифизмом. У Маха из «невозможности спасения» для индивида (что понимается не только фактически «танатистски», но и логически) выводятся альтруистические императивы. Историк Л.М. Гартман, близкий по своим метафизическим взглядам Маху и Экснеру, из определенных прогнозов относительно исторического процесса выводит категорический императив: «Поступай так, чтобы твои действия служили (социальному) обобществлению!». К слову, из этого вытекает, что Джея Гулда, Рокфеллера и Моргана, достижения которых согласно любой последовательной социалистической теории развития в строгом смысле должны считаться «предшествующей стадией» социализма, необходимо квалифицировать в качестве гениальных с этической точки зрения личностей и т. д. В соответствии с огромным технико-экономическим значением химии у Оствальда в качестве подобного императива, естественно, выступают технологические идеалы, которые беспечно наделяются им суверенитетом.

При этом Оствальд в значительной мере находится под влиянием (якобы) «точного» социологического метода, ориентирующегося на Конта и Кетле. Для его развития Эрнест Сольве основал в Брюсселе свой Институт социологии (Институт Сольве). Это заведение, обеспеченное читальными залами, всем необходимым для социологических исследований и публикаций материалом и весьма значительными фондами, является столь же великолепным и образцовым в своем роде творением мецената, сколь и жалким с точки зрения «научного» метода, применяемого в работах самого Сольве и перенимаемого отдельными его сотрудниками. Какие симфонии появляются на свет, когда получившие чисто естественнонаучную выучку технологи насилуют «социологию», видно по любой работе такого рода, особенно написанной самим Сольве<sup>1</sup>. Трагико-

- 1 Возьмем в качестве примера сжатый анализ Э. Сольве: E. Solvay (1906) *Formules d'introduction à l'Énergétique physio- et psycho-sociologique*. Institut Solvay, Notes et Mémoires, Fasc. Соответствующая энергетическая эффективность  $R$  (rendement) живого организма определяется формулой:  $R = E_l / E_c = E_c - (E_f + E_r) / E_c$ , где  $E_c$  обозначает валовое потребление энергии (E. consommées) через дыхание, питание или освещение и т. д.,  $E_f$  — соответствующую морфологически фиксированную энергию (E. fixées),  $E_r$  — остатки не потребленной энергии (E. rejetées) и наконец  $E_l$  — высвободившуюся в процессе окисления в организме энергию (E. libérées). Определяющая  $R$  дробь  $E_l / E_c$  с детского возраста (когда  $E_f$  очень велика) до полного взросления движется к оптимуму и вновь сокращается со старостью в результате увеличения  $E_r$  (из-за растущей неспособности переработать полученную энергию). Однако «с точки зрения социологии» при расчете чистой энергетической эффективности организма, тем более *отдельного* индивида, учитывается лишь частичка всей свободной органической энергии  $E$  (Energies utilisables): в частности, та доля, что применима в *труде*, в отличие от превращенной в тепло доли  $E_t$ , которая остается непроработанной, как и в любой машине. Однако эта «полезная энергия» индивида не всегда является полезной *социальной* энергией (E. socioénergétique), поскольку индивиды преследуют прежде всего *собственный* «физио-энергетический» интерес и лишь часть их полезной энергии оказывается социально полезной. Таким образом в каждый период времени  $t$  посредством умножения индивидуальной полезной энергии на коэффициент  $u$ , определяемый по той или иной степени социально полезной энергии, можно выявить «социальную полезность» индивида. Тогда для времени всей жизни индивида вытекает величина:  $\int u E dt$ . Посредством сложения простой энергетической эффективности всех индивидов одного общества в одну единицу времени, определения *средней* дроби  $U$ , которая составляет примерную социальную полезность, и деления продукта  $U$  с суммой индивидуальных энергетических эффективностей на сумму индивидуальных энергетических эффективностей, потребленных обществом в эту единицу времени, выводится формула для определения социальной эффективности  $R_s$  (Rendement social = социальная полезность всех индивидов в данный момент):  $R_s = U (E - [E + E_r + E_t]) / E_c$ .

Объекты, которые *не носят* физио-энергетического характера, т. е. чье потребление не состоит в *поглощении* энергии в интересах организма, но которые влияют на соотношение эффективности, в принципе могут включаться в эту формулу посредством того, что они рассматриваются в качестве соответствующего увеличения или удешевления *Ес* (имеющейся в распоряжении валовой энергии), т. е. приравниваются к энергии, расходуемой путем потребления *пищи* (непосредственного типа энергетического потребления). Сольве считает это применимым даже к потребностям чисто воображаемого или морального рода (с. 12). В формулу могут включаться даже «неправильные» виды потребления, т. е. отличающиеся от среднего потребления «нормального человека». Хотя такой чрезмерный энергетизм индивидов при определенных обстоятельствах и может в качестве «частного энергетизма» вредить общности, тем не менее при других обстоятельствах, если речь идет именно о «способных людях», которые взамен своего повышенного потребления дают более высокий энергетический уровень, он может и не быть антисоциальным и в конечном счете даже улучшать энергетическую эффективность общества. Итак, энергетические формулы и принятые в энергетике единицы измерения (килограммы, калории и т. д.) применимы *везде*.

Если несколькими словами высказать свое отношение к этой части изложения, то прежде всего следует остерегаться убежденности, что абсолютная ничтожность всей конструкции Сольве состоит в том, что его формулы в недостаточной мере учитывают сложность явлений. На подобный упрек он всегда мог бы справедливо возразить, что путем введения все новых переменных в конечном счете «в принципе» возможно воспроизвести любую самую запутанную констелляцию. Не является «принципиальной» ошибкой и то, что многие из его коэффициентов нельзя измерить точно, а некоторые вообще не поддаются количественному учету. Ведь, например, теория предельной полезности методически вполне оправдано использует фикцию чисто количественной измеримости потребностей. Но здесь мы не можем обсуждать, *почему* это оправдано. Однако полная никчемность всего этого основана на включении ценностных суждений *просто субъективного* характера в якобы строго «точные» формулы. «Социальная точка зрения», социальная полезность человека (само это качество и, конечно, особенно его степень) и все с этим связанное полностью определяются исключительно субъективными идеалами, с которыми индивид подходит к вопросу о *должном* состоянии общества. При этом возможны и абсолютно равноправны между собой бесчисленные нюансы многочисленных ценностных масштабов и еще более бесконечное множество компромиссов между бесчисленными возможными ценностными масштабами. Они конкурируют или прямо сталкиваются друг с другом как нежелательные средства достижения желаемой цели, как незапланированный побочный результат наряду с намеченным результатом до тех пор, пока через черный ход не вводится один из двух якобы преодоленных позитивизмом факторов *веры*: «теологический» или «метафизический». А без этого *только* объективное ценностное суждение имеет решающее значение для вопроса о том, был ли человек с избыточным энергетизмом: Григорий VII, Робеспьер, Наполеон, Август Сильный, Рокфеллер, Гете, Оскар Уайльд,

Иван Грозный и т. д., «выгодным» с «социально-энергетической точки зрения». И тем более для другого важного вопроса: в какой *степени* подобные типа и бесчисленные другие приближающиеся или отдаляющиеся от них являются «выгодными» или «невыгодными». Глупая забава выдумывать для подобных ценностных суждений математические символы, которые — если бы такие фокусы вообще имели какой-то смысл — у *каждого отдельного оценивающего субъекта* имели бы совершенно иные коэффициенты: например, для г-на Сольве одни, а для меня — другие! И совсем безумно молотить эту пустую солому и делать вид, что здесь предлагается что-то «научное». Итак, уже здесь необходимо констатировать то, что все эти достижения Сольве не стоят и ломанного гроша, хотя только тут (с. 15) начинаются те места, где он сам признает наличие трудностей при применении его формул. В частности, теперь речь идет о «феноменах интеллектуального порядка». «Рассмотренные сами по себе», говорит Сольве, они не соответствуют никому специфическому количественному развитию энергии, но в действительности (*essentially*) представляют собой последовательность соответствующих состояний распределения нейромышечной энергии. (Данный способ рассмотрения — известный суррогат строгого «психофизического параллелизма»). Поэтому количественно равно потребление энергии может репрезентировать очень разные по ценности (*valeur*) результаты. Тем не менее они *должны* (NB: по чьему приказу?) быть включены в формулы, а те измеряться количественно, ведь они (*sic!*) играют столь значительную роль в социологии. Для логического завершения этого вывода можно было бы добавить: априори известно, что социология должна обойтись энергетическими формулами. А на самом деле все очень просто: хотя никто *не может* измерить сами эти результаты и *не собирается* измерять сопутствующее (*concomitante*) им в смысле обычного психофизического параллелизма, но не характерное для них развитие энергии, *все же* возможно измерить их *воздействие* (*effet*). И далее следует серия самых идолопоклоннических прыжков гномов. Как *измерить* «эффект», например «Сикстинской мадонны» или «искусства сточной канавы»? Поскольку Сольве стесняется открыто признаться себя и другим, что «эффект» здесь только скрытно подменяет ранее использованное многозначное слово «ценность», то выдвигается следующая аргументация: «нормальная» цель «мозговой деятельности» у «нормального» индивида *и потому* (NB!) *также у (нормального) коллективного индивида*, т. е. общества, заключается в самосохранении, т. е. в защите от физического и «морального» (*sic!*) вреда. Таким образом, (!) нормальный эффект мозгового напряжения *всегда* (NB!) означает улучшение энергетической эффективности. Это имеет место не только в случае технических изобретений и не только в случае умного рабочего в отличие от неумного, но и вне интеллектуальной сферы. Например, музыка вызывает состояния мозга, приводящие к модификациям процессов окисления, которые в свою очередь служат лучшему использованию выделяемой органической энергии (предположительно лучшего пищеварения и т. п., хотя ранее Сольве объявил незначительным влияние идео-энергии на размер *Err*, т. е. на выведение фекалий). Таким образом, ее энергетическое значение доказано, следовательно, она и все ей подобное «в принципе» подлежат измерению — и тем самым мы вновь счастливым образом оказались в пре-

красном царстве формул с *El* и *Eu*. Правда, там есть множество коэффициентов, для которых еще предстоит найти единицы измерения: например, согласно Сольве, число идей, возможных в одну единицу времени и т. д. Также есть творения интеллекта или искусства, у которых прибыль остается потенциальной, а другие демонстрируют дефицит, т. е. социально вредны. Вероятно, Сольве думает здесь о самоубийствах из-за Вертера, которые влияют на его энергетическую ценность. Во всяком случае, как он считает, на основании оценочной *нормы* (прямого или косвенного улучшения социоэнергетической эффективности) *любой* человек (*sic!*) «в принципе» может быть рассчитан (*sic!*) точно в соответствии с (естественно, меняющейся в течение его жизни) мерой его психоэнергетической — положительной или отрицательной — социальной ценности. Точно так же, как рассчитывается его физиоэнергетическая ценность (см. выше). Эта «принципиальная» возможность имеет огромное значение, тем более что, конечно, «в принципе» возможно и исчисление таких «идеоэнергий», которые — в силу незрелости современников — стали действительными только через века. К счастью, для автора «в его работу *не входит*» изучение *метода*, с помощью которого следует измерять физио- и психоэнергетическую ценность. Во всяком случае большие мазки (с. 21), которыми довольствуется этот и всякий подобный натуралистический самообман, включают, по его мнению, «весь комплекс собственно социологических исследований».

Далее следует замечание, что за сегодняшними «ценовыми» феноменами экономического обмена в качестве «окончательного» измерителя ценности, конечно, скрываются калории и процессы окисления, которые прямо или косвенно попадают в организм в виде обмениваемых благ. Нашего автора не смущает, что пока земля преобладает, кислород у воздуха не покупают даже косвенно (в основной стоимости). Как и то, что «процессы окисления» — которые согласно Сольве должны учитываться, например, при покупке любого «настоящего» персидского ковра — в действительности являются запутывающим словом для совершенно субъективной оценки благ *индивидами*. По его собственному признанию (см. выше), для этих оценок нет однозначного соответствия количества энергии. Все «социальные» ценности представляют собой результаты этих оценок — это все, что студент национальной экономики в первом семестре должен был бы сказать об этом безобразии. Применительно к производству искусства мы с самого начала вольтижировали от «*valeur*», т. е. от явно *эстетической* ценности, к «эффекту», т. е. к последствиям окисления, так и теперь изложение приводит нас к выводу, что физио- и психоэнергетическое улучшение эффективности «среднего человека» является решающим для улучшения эффективности самого общества. Таким образом, расчеты этой «продуктивности» должны указать законодателю пути достижения «нормальной эффективности». Та в свою очередь зависит от существования «нормального человечества», дополняющего «идеально здоровых и мудрых людей», которые *не делают* больше, чем обычно требуется для поддержания их собственной личной эффективности, выделяя при этом «общественно необходимый» минимум своей энергии на социальные цели.

Поскольку каждая социальная группа представляет собой единицу химической реакции и недалеко то время, когда каждый процесс во вселенной

мичность этого растраниживания значительных средств на чисто дилетантские цели яснее всего проявляется в публикации институтом абсолютно никчемного труда Ш. Анри<sup>1</sup>, в котором тот своими масштабными расчетами пытается с помощью «энергетических формул» определить социальную (NB!) полезность труда и тем самым (как и принято во всяком «позитивизме» такого рода, начиная с самого Конта), полагающийся размер заработной платы. Отказ от публикации якобы противоречил бы заложенной Сольве «традиции». Тем не менее нынешний руководитель института г-н профессор Ваксвейлер в приложении к нему совершенно верно, только с излишней вежливостью, на нескольких страницах указывает на бессмысленность для всякого специалиста этой попытки, обреченной на провал после гораздо более остроумной и прежде всего экономически ориентированной концепции Тюнена. Поскольку под руководством Ваксвейлера институт занялся действительно значимыми трудами — как популяризирующими, так и научными, — вполне можно надеяться, что эти «энергетические» реминисценции скоро будут полностью отброшены в угол, где им и место.

186

Посвященные Эрнесту Сольве популярные лекции демонстрируют достоинства образа мысли и способа изложения Оствальда в сочетании с последствиями выделенных выше общих наклонностей «натуралистических» мыслителей и даже в своих самых слабых местах заслуживают внимания хотя бы в качестве определенного «типа». При рассмотрении экономической и социально-политической проблемных областей изложение в них ведется с респектабельной социально-политической позиции. Поэтому здесь я исключаю высказывания об этих вещах, хотя на мой взгляд, не стану скры-

---

будет получать свою энергетическую оценку (*évaluation énergétique*), то, по мнению Сольве, также не далек тот день, когда станет возможной подобная нормативная «позитивная» социология. Пожалуй, и здесь можно добавить: «в принципе». О практических предложениях Сольве мы здесь умолчим. По интеллектуальному содержанию его «продуктивность», как и его «сопоставимость», соотносится с концепциями классического французского утопизма вроде идей Прудона примерно так же по-обывательски эпигонски, как с мыслительными ходами Кетле и Конта соотносятся «достижения», с которыми мы познакомились выше.

Сам Оствальд в обсуждаемом здесь сочинении сильно уступает этим «достижениям», несмотря на или, вернее, вследствие того, что превосходит их по «здравому смыслу». Например, в обсуждаемом здесь сочинении не учитываются замечания Сольве об отсутствии однозначной корреляции между «духовным» содержанием и количественными параметрами энергии.

- 1 Henry Ch. (1906) *La Mesure des capacités intellectuelle et énergétique. Notes d'analyse statistique. Notes et mémoires*. Fascicule 6, Bruxelles: Misch et Thron.

вать, они относятся к самому скверному из когда-либо написанного Оствальдом, и ограничусь кратким резюме глав, которые с точки зрения формы последовательно и очень удачно предметно излагают «энергетическое» понимание культурных процессов, а также некоторыми замечаниями отчасти общего, отчасти специального характера по поводу построений, более далеких от данной (социально-экономической) проблемной области.

Глава I. Труд. Все, что мы знаем о внешнем мире, можно выразить в энергетических отношениях, т. е. в пространственных и временных изменениях существующих энергетических отношений («энергия» = труд и все продукты его преобразования). Каждый культурный сдвиг обосновывается новыми энергетическими соотношениями, особенно открытием новых источников энергии или иным использованием уже известных (далее обсуждается своеобразие пяти видов энергии и особо подчеркивается значение химической энергии как наиболее удобной для сохранения и транспортировки).

Глава II. Баланс благ. Это основное понятие всего обсуждения. Отношение количества полезной энергии  $B$ , которое при осуществляемом нами в практических целях преобразовании энергии извлекается из валовой энергии  $A$  и вследствие неизбежного появления других энергий наряду с полезной энергией, всегда будет меньше 1. Вся культурная работа стремится к умножению валовой энергии и к улучшению баланса благ. Особенно последнее является смыслом любого правового порядка (устранение потерь, потраченных на борьбу, полностью аналогично замене керосиновой лампы с 2%-ным балансом благ на лампу с газификацией и сеткой накаливания с 10%). Поскольку применяться может только «свободная» энергия, т. е. приводящаяся в движение благодаря перепадам интенсивности внутри существующего количества энергии, и эта свободная энергия, согласно второму принципу энергетике, неуклонно уменьшается в пределах каждой конкретной замкнутой системы тела в результате непреодолимого рассеивания, то и сознательная культурная работа также может быть обозначена как «стремление к сохранению свободной энергии». Постоянно отклоняться от этого идеала нас вынуждает в основном ценностно-определяющий фактор «времени»: ускорение медленного (в «идеальном случае» бесконечно медленного) преобразования энергии — это то, что вообще впервые делает ее применимой для нас, но одновременно означает неизбежно ускоренное уничтожение свободной энергии. Причем относительно желательного соотношения двух сторон процесса друг к другу существует оптимум, при выходе за который дальнейшее ускорение становится неэкономичным. Таким образом, второй принцип энергетике задает линию развития культуры.

Глава III. Сырая энергия. «Почти все, что вообще происходит на Земле», происходит за счет свободной энергии, которую Солнце отдает Земле посредством излучения (единственное исключение по Оствальду: отлив, прилив и зависящие от них явления). Это утверждение сомнительно уже потому, что Оствальд просто отрицает практическое значение собственной тепловой энергии Земли. Хотя она вряд ли существенным образом практически влияет на соотношение температур на земной поверхности, тем не менее очевидно ее воздействие на окончательные границы просачивания, на имеющийся объем воды на поверхности и на все зависящее от этого, поскольку не существует в абсолютном смысле водонепроницаемых слоев грунта. Следовательно, стабильная экономика должна основываться исключительно на регулярном использовании ежегодного количества излучения, которое можно резко увеличить в балансе благ. Поэтому кажется совершенно сомнительным быстрое расходование энергии солнечного излучения, накопленной и преобразованной в запасы угля и в химическую энергию. Впрочем, это сильно напоминает нарушение принципа «разбазаривания наследства».

188

Автор не говорит о чуть более медленном (с учетом существующих запасов) расходовании химической и других форм энергии из запасов железа, из столь важных для производства электричества запасов меди и цинка и т. д. Пожалуй, здесь было бы уместным обсуждение того, в какой степени химическая и другие формы энергии практически неисчерпаемого и при этом быстро дешевого алюминия могут заменить незаменимые сегодня функции тех практически бесспорно истощаемых металлов. Но при этом необходимо учитывать и будущее разворачивание нашей энергетики на основе солнечного излучения, концентрированного, отфильтрованного и преобразованного в химическую или электрическую энергии. Тем более что Оствальд не верит в снижение притока энергии посредством солнечного излучения в прошлом и будущем в течение геологических эпох. Очевидно, с *энергетической* точки зрения с учетом объема получаемой от Солнца энергии нет необходимости в *экономии* ради будущего. Напротив, химическая и иные формы энергии тех веществ, что необходимы для производства, управления и использования важнейших полезных энергий, так же безвозвратно рассеивается, как и все свободные энергии, согласно теории энтропии. Но в отличие от других видов энергий это произойдет в *исторически* обозримый период: при дальнейшем увеличении добычи в нынешнем темпе они будут израсходованы за тысячелетие с небольшим. Заостряя внимание на энергетических отношениях, т. е. на получении новых сырых энергий и на улучшении баланса благ при получении полезной энергии, автор вообще не затрагива-

ет довольно значимую роль *проводников* энергии в качестве объекта экономики, которые по большей части доступны лишь в виде исчерпаемых запасов. То, что делает их пригодными для этого, позволяет только условно поместить их в обе эти рубрики или же только косвенно, хотя нет сомнений, что терминология Освальда допускает это.

Освальд с уверенностью предполагает, что будущее благоприятно для прямого использования новых энергий, особенно энергии солнечных лучей, получаемой сегодня почти исключительно путем применения живых или ископаемых растений. Но если это так, то перед энергетическим анализом культуры встает вопрос: почему при этих соотношениях и при наших уменьшающихся цифрах рождаемости мы вообще придаем какую-либо значимость балансу *благ*? Почему это становится все более значимым, а не утрачивает актуальность? Вероятно, ответ на этот вопрос можно получить из изложенного в главах IV–VI («Живые существа», «Человек» и «Овладение чужими энергиями»), да и то лишь с изрядным трудом и далеко не полный. Если бы Освальд прямо поставил его и попытался дать на него ответ, то в каком-то из своих высказываний он пришел бы к полезному осмыслению проблем. Например, как это сделал Зомбарт в своем разборе понятия «машины» у Рело. Этот вопрос затронут на с. 82 лишь кратко и при этом неправильно: неверно, что «прогрессирующая» культура (какой бы ни была одна из привычных мер «прогресса») тождественна абсолютному сокращению использования *человеческой* энергии. Вероятно, это верно для *относительного* энергетического значения последней при сравнении нынешней культуры с античной, но даже в относительном смысле это неверно применительно к любому «культурному прогрессу» — если только не называть «культурным прогрессом» лишь то, что является энергетическим «прогрессом», т. е. если здесь не имеет место тавтология.

Эти отсутствующие соображения, возможно, пошли бы на пользу Освальду во время его сальто-мортале в область профессиональной экономической дисциплины (глава XI). Тогда можно было бы избежать крайне ошибочного представления, согласно которому то, что мы называем *техническим* прогрессом, *всегда* основывалось на улучшении баланса *благ*. Якобы при переходе от ручного ткацкого станка к механическому, чисто энергетический баланс *благ* был *всегда лучше* при механическом труде. Достаточно прибавить накопленную в угле энергию солнечных лучей к различным кинетическим, химическим (нечеловеческим и человеческим) и другим энергиям, которые *pro rata* приходятся на механически произведенный текстильный продукт (включая неиспользованные части энергии), и затем составить соответствующий расчет для ручного ткачества.

Экономические «затраты» очень далеки от того, чтобы просто следовать за «энергетическими» затратами в физическом смысле слова.

В экономике обмена соотношение определяющих «конкурентоспособность» *ценовых затрат* далеко не равно соотношению использованного количества энергии, хотя оно везде и часто очень «энергично» *говорит* само за себя. Оствальд сам иногда упоминает жизненно-экономические моменты фундаментального характера, связанные с большинством «технических достижений» и вызывающие непосредственное *ухудшение* баланса энергетических благ: неумеренное стремление к ускорению преобразования энергии. Это обстоятельство не существует само по себе. Если бы действительно удалось, как надеется Оствальд, изобрести устройство для прямого перевода энергии солнечных лучей, например, в электрическую энергию, тогда энергетический «баланс *благ*» мог бы многократно уступать даже использованию энергии угля в паровой машине, хотя экономическая конкурентоспособность энергии, полученной новым способом, вероятно, была бы непреодолимой. Ведь даже данный человеку природой «примитивнейший» инструмент в виде мускулов имеет гораздо лучший «баланс *благ*» при использовании энергии, выделяемой посредством биохимических процессов окисления, чем может достичь лучшая динамо-машина. Тем не менее, она побеждает в экономической конкуренции. Несомненно, Оствальд прекрасно знает, почему. Но каждый раз он пытается обосновать «все культурное развитие» с помощью *одного* из различных энергетических условий — «баланса *благ*», хотя и сам изначально поставил рядом с ним освоение *новых* энергий (см. выше). Даже чисто *технологическая* проблема, рассматриваемая с энергетической точки зрения, не получает у Оствальда развития. Между тем, *взаимосвязь* между применением *новых* энергий и требованием соблюдения «баланса *благ*» действительно представляла бы интерес. Но об этом мы не узнаем ничего значимого. Даже своеобразие «экономического» (в профессионально-научном смысле) подхода, столь тесно примыкающего к технологическому, затрагивается слишком кратко.

Правда, Оствальд предупреждает, что осознанно рассматривает только одну сторону «культурных явлений», и это, безусловно, заслуживает признания на фоне стремления вывести «формулу мира» у некоторых других натуралистических мыслителей. Однако злой рок требует, чтобы он по-прежнему верил в давно устаревшую «контовскую иерархию наук» и интерпретировал ее следующим образом (с. 113 внизу): *понятия* более «общих» дисциплин, стоящих на нижних ступенях пирамиды, получают значимость для всех высших, «менее общих» наук, т. е. должны быть «фундаментальными» для них. Он недоверчиво покачает головой, если ему сказать, что не только для экономической теории (как специфического эле-

мента экономических дисциплин, отделяющего их от других) подобные *понятия* не играют никакой, даже малейшей роли, но и для национальной экономики вообще именно наиболее общие, т. е. наиболее абстрактные и потому наиболее отдаленные от повседневного опыта *теоремы* «более общих» дисциплин являются совершенно несущественными. Например, для нее совершенно безразлично, признает ли астрономия коперниканскую или птолемеювскую систему.

Точно так же для действенности экономической теории — воплощения известных гипотетических «идеально-типических» положений — совершенно несущественно, переживает ли физикалистская теория энергии самые фундаментальные изменения или более того: сможет ли принцип сохранения энергии расширить свою нынешнюю зону значимости (чего можно ожидать) на все физические, химические и биохимические знания, или однажды некий «анти-Рубнер» опрокинет ее эксперименты по тепловому балансу организмов (что само по себе крайне маловероятно). Или же, чтобы прояснить дело сразу на примере той проблемы, которая на протяжении столь длительного времени тесно связывала физические исследования с экономическими интересами: даже материальное существование «*perpetuum mobile*», т. е. источника энергии, который начнет бесплатно качать свободную энергию в данную энергетическую систему, 1) вовсе не превратит гипотетические положения абстрактной теории экономики в «неправильные»; кроме того, 2) каким бы колоссальным не рисовался технический охват такого утопического источника энергии — даже если бы для этого были все основания, — тем не менее область практической значимости *тех абстрактных* положений гипотетической теории экономики сократится до нуля лишь в том случае, если данный источник энергии сделает доступной а) любую энергию, б) в любой точке, в) в любое время, г) в неограниченном количестве в любом временном дифференциале и е) в любом направлении действия. Любое малейшее ограничение даже одного из этих условий немедленно вернуло бы принципам предельной полезности соответствующую частицу возможности непосредственно *практической* значимости.

Мы задержались на этих утопиях только для того, чтобы пояснить: несмотря на все современное учение о методах, постоянно забывают, что контовская иерархия наук — это безжизненная схема грандиозного педанта, не понимавшего, что существуют дисциплины с совершенно разными познавательными целями, *каждая* из которых, исходя из определенного непосредственного повседневного опыта, должна сублимировать и перерабатывать содержание этого «ненаучного» познания с совершенно разных, самостоятельных точек зрения. Само собой разумеется, что далее различные дисциплины где-то пересекаются (например, в национальной экономике уже

на первом шаге от «чистой» теории) и снова сталкиваются в своих объектах самым разнообразным образом. Тот же, кто не понимает этого фундаментального обстоятельства или пытается соответствовать ему путем нахождения местечка для действенности «психической энергии» по контовской схеме (с. 70), тот не отдает должного по меньшей мере своеобразию «наук о культуре», которые Оствальд стремится «фундировать»<sup>1</sup>. Ведь каждый обученный современным

- 1 Попутно заметим, что вопросом является уже то, должен ли современный химик говорить о «психической энергии», как это пытается делать Оствальд. Во всяком случае даже тот, кто стоит на точке зрения психофизической причинности, то есть отбрасывает «параллелизм», вряд ли сможет то, что Оствальд понимает под «психологическими» процессами, т. е. «мысли», расценивать как применимые в «энергетическом» смысле. Именно это отчасти эксплицитно, отчасти имплицитно делает Оствальд. Мы предпочли бы совсем накрыть завесой любви предложения вроде этого: «Мысли могут (sic!) пониматься непространственно (sic!), но они не существуют (sic!) вне времени и энергии и являются субъективными (sic!)» (с. 97, примечание). Можно как угодно относиться к психологии Мюнстерберга в целом, но для Оствальда некоторые из ее глав были бы весьма полезным чтением. «Энергетик» по смыслу своей методологии имеет дело только с «объективной» работой нервов и мозга, представляющими собой *количественные* параметры, в принципе же, следовательно, — с химическими энергиями, а вовсе не с «субъективностями». Между ними и количественными «энергетическими» соотношениями не может быть никакого коэффициента преобразования, определяемого качественным своеобразием первых («содержанием» мысли) — и это относится к понятийной сущности любой «энергии». Предположим, удалось найти отклонение в энергетическом балансе применительно к «душевно» обусловленным процессам и тогда «интроспективное» познание как специфический «орган чувств» может применяться к «психической» энергии и к меняющемуся при ее преобразовании «содержанию». По мнению Оствальда (с. 98), это было бы необходимо уже потому, что иначе психические процессы вообще не подпадали под понятие события. Но тогда даже самая бессмысленная болтовня и возня параноика ничем бы не отличалась с точки зрения энергетического баланса благ «внутри эпидермиса» от наиболее значимых духовных достижений, и уж тем более никакой «энергетический» баланс благ не может служить масштабом, например, для «правильных» и «неправильных» суждений (эта самоочевидность всегда является ключевым моментом). Оба вида суждений требуют энергетических затрат, и маловероятно, что в случае «правильного» суждения с точки зрения биохимического «баланса благ» или еще как-то они будут отличаться от баланса в случае «неправильного» суждения. Кроме того, «баланс благ» нельзя получить через взятие какой-нибудь «энергетической» пробы во «внешнем мире» — о чем на всякий случай нужно сразу же сказать в отношении известной точке зрения, когда «истинное» отождествляется с «полезным», как и у Сольве (см. примечание выше). Ведь существует множество несомненных истин, утилитарный баланс затрат которых «энергетически» так сильно обременен энергетическим расточительством

(химическая энергия: сжигание на костре; биохимическая и кинетическая энергия: партийная организация, войны и т. д.), что они с трудом восполняют этот дефицит путем улучшения какого-либо энергетического баланса, тем более что среди них есть и такие истины, которые совсем никак *не влияют* на этот «баланс благ».

Видимо, Оствальд не разделяет эти утилитарные теории познания, просто он по праву рассматривает все исключительно исторические, т. е. не *парадигматические*, истины, в качестве технических, а *потому* и научно бесполезных (с. 170). В его собственной, крайне занимательной книге «Великие люди» в качестве таковых также рассматриваются 1) только большие усовершенствователи энергетических отношений, а 2) сами они существенно оказываются парадигмой для *практического* вопроса: как обучать способности улучшать баланс благ. Таким образом, сам этот вопрос оказывается не историческим, а дидактическим. Впрочем, чисто «героическое» изложение мало соответствует влиянию движущих сил научного развития: как известно, все чаще важные открытия совершаются многими людьми совершенно независимо друг от друга, и все чаще лишь случайность определяет страстно оспариваемый «приоритет», оказывающийся единственно видимой целью. Историков и им подобных, вероятно, оставит равнодушными несколько наивное невежество Оствальда, ибо так они должны будут это воспринимать. Во всяком случае Риккерт не мог бы пожелать лучшей парадигмы для специфически «естественнонаучного» мышления (в логическом смысле).

Достаточно даже включение психического в энергетику — на возможность чего Оствальд лишь намекает в этой книге (с. 70), в то же время постоянно подчеркивая, что *границы* его подхода лежат именно там, задействованы «психологические» факторы, — вероятно, дало бы отчаянно мало для «основоположения науки о культуре» (в смысле Оствальда). И как это включение должно быть реализовано? О том, сколь бесконечно сложно с «энергетической» точки зрения «психическое» участвует в психофизике труда, я в другом месте попытался показать себе и читателям «Архива социальной науки» в связи с работами Крепелина и других, насколько это возможно для неспециалиста. Но эти стороны психофизической проблемы Оствальд, видимо, вообще не имеет в виду. Если же ему померещилось что-то вроде научно исчерпанного учения Вундта о «законе увеличения психической энергии», когда «приращение» того, что мы называем «духовным содержанием» культурно значимого процесса (т. е. *оценкой*), сбивчиво сталкивается с психическими бытийными категориями, то предостережением здесь должно послужить устроенное Лампрехтом безобразие. Наконец, учения З. Фрейда, которые в первых своих формулировках выглядели как установление некоего «закон сохранения психической (аффективной) энергии» — какой ни была их прочая психопатологическая ценность, — постепенно были видоизменены самим автором настолько, что потеряли всякую остроту в «энергетическом» смысле, в любом случае они стали не пригодны для строгого энергетика, по крайней мере сразу. Несмотря на их специфику, они тоже не смогли бы легитимировать конфискацию всех ранее не схватываемых «энергетикой» аспектов «наук о культуре» в пользу какой-либо «психологии» как общего знаменателя. Достаточно об этом. Для нас было

методам теоретик знает, что чистая «теория» нашей дисциплины тоже не имеет ни малейшего отношения к «психологии». Вернее, *должен* знать.

В трех главах о живых существах (IV-VI) мы находим сначала (с. 53) различие «анабионтов» (растений) как сборщиков энергии и «катабионтов» (животных) как энергетически паразитических потребителей солнечных лучей, собранных растениями. При этом человек (пока еще!) входит в число последних. От животного он энергетически отличается только огромным и неуклонно возрастающим объемом подвластных ему «внешних» (существующих вне его эпидермиса) энергий в виде инструментов и машин: история развития культуры тождественна истории включения чужих энергий во властную сферу человека (здесь даже *без* улучшения «баланса благ»). За этим следует (кратко обсуждаемая в примечании) оговорка о том, что в рамках этого воззрения все же должно быть «позволено» говорить о «психической энергии». Сюда вплетены рассуждения о ходе энергетического развития оружия (с. 73 и далее), об энергетической ценности мира по сравнению с любым родом борьбы, поскольку та всегда снижает (энергетический) баланс благ, о приручении животных (с. 85 и далее, здесь, как и при обсуждении рабства, отсутствует знание важных результатов профессиональных исследований), далее следует довольно удачный энергетический анализ значения огня (с. 92), говорится о транспортировке и сохранении энергий и о поведении отдельных видов энергии (глава VII). Способ различения между «инструментом» и «машиной» (в зависимости от того, преобразуется ли человеческая или нечеловеческая энергия, в том числе животная: с. 69) чрезвычайно поверхностен и социологически практически бесполезен.

Затем автор переходит к «обобществлению» (глава VIII). Он считает, что его значение для культуры сегодня преувеличивается в результате отождествления (кем?) всей науки о культуре с социологией, тогда как изобретение простейших инструментов исходило от индивидов и столь же возможно их использование индивидами. Общество является «культурным фактором» лишь в той мере, в какой оно служит улучшению «баланса благ» (с. 112), который здесь снова становится *единственным* масштабом. С научной точки зрения, здесь энергетически значима мера его влияния на соотношение полезности через «порядок» и разделение функций. Энергетический баланс, а *не* многообразие является, согласно Оствальду,

---

важно в целом определить методологическое место, в котором автор выходит за границы значимости своих подходов в *теоретической* области (о практической речь уже шла).

ключевой мерой «совершенства» живых существ. Этот подход в другом аспекте известным образом справедливо высмеял еще К.Э. фон Бэр. Впрочем, если мы учтем контролируемые человеком «чужие» энергии, которые обычно используются лишь на несколько процентов (а мускулы, как уже говорилось, — это лучшая известная ди-намо-машина), то при нынешнем уровне техники в любом случае не может идти речи даже об относительно более выгодном энергетическом *балансе* у человека (балансе благ). А как в остальном обстоит дело с «энергетическим балансом» культуры?

Если воспринимать более или менее буквально изложенное на с. 112, то *искусство* в широком смысле Оствальд вообще не относит к «культурным факторам», если только оно наконец не избавится от таких «заблуждений», что собраны еще в «Богех Греции» Шиллера в виде примера «ограниченности новичка», и не сделает своим материалом превращения и перемещения энергии. Лишь в этом случае оно начнет служить просвещению масс и препятствовать растратированию энергии (с. 88 и далее). Здесь по ортодоксальности натурализма он намного превзошел анафему Дюбуа — Реймона в отношении образования крылатых видов (поскольку те имеют «нетипичную» и «паратипичную» конституцию и анатомически сомнительны в качестве млекопитающих с шестью конечностями). Спрашивается лишь, как искусство должно соответствовать этой программе? Максимум преобразования энергии на квадратный метр холста можно получить путем написания картин, изображающих взрывы или морские сражения. Довольно близко к идеалу подошел бы собственноручный (юношеский) цветной набросок кайзера Вильгельма II, который я однажды видел в частной коллекции: на нем изображены два броненосца в колоссальных клубах порохового дыма. Но как это спасет от энергетического расточительства гражданских? Знаменитый прокатный стан А. фон Менцеля, возможно, выглядит еще более благоприятно с точки зрения (энергетического!) «баланса *благ*», но все же вряд ли окажет большее дидактическое воздействие на массы, особенно на домохозяек, которые здесь очень важны. Обязательно были бы востребованы поэтически и художественно иллюстрированные кулинарные рецепты. Но что еще? А главное: *как*? Закон сохранения энергии и учение об энтропии могли бы изображаться в искусстве лишь «символически», но тогда вновь вернулась бы роковая «нереальность»!

Предшественники Оствальда на пути «рационального» определения целей искусства, например Конт, Прудон или Толстой, столь же невежественны, как и он, но все же не так слепы в отношении творчества. У лейпцигских ученых наблюдается дисбаланс между тем, что, например, Лампрехт существенно больше соприкасается с искусством в научных целях, чем Оствальд, который делает

это совершенно без ущерба для всех своих заслуг в химическом анализе красок для живописи. В силу специфики «психической энергии» даже несомненно частое «соприкосновение» не может «компенсировать» этого различия в интенсивности. Таким образом, Оствальд даже не дошел до собственно «энергетического» рассмотрения искусства. А как таковое могло бы выглядеть? С точки зрения «энергетического» баланса благ, венков вопреки «привычному» сегодня мнению следует вручить прежде всего Луке Фа-Престо, ведь определяющей должна быть не какая-то якобы абсолютная ценность в конечном счете достигнутого результата как такового, а результат *в сопоставлении* с «потраченной энергией», т. е. именно «баланс благ». Экономия энергии благодаря сегодняшним техническим «достижениям» в изготовлении красок для живописи, в поднятии камней для монументального строительства, в изготовлении искусственной мебели и т. д., закрыла бы собой собственно *художественный* «прогресс», поскольку лишь она улучшает «баланс благ», а не творения архитектора, живописца или столяра-краснодеревщика.

196

Применительно к так называемому «художнику» лучше всего «энергетически» обосновывается проповедь «простоты» художественных средств (исходя из баланса благ). Непонятно, почему Оствальд, возвысившись до проанализированных выше постулатов, не сделал и эти решительные выводы. Для этого было бы самое время! Ведь «энергетически» действительно невыносимо думать, что на изготовление, например, художественно совершенного стола была потрачена уйма кинетической, химической, биохимической и т. д. энергии. И ее *уже невозможно* получить *обратно* из стола, энергетически представляющего собой не больше потенциальных калорий, чем куча дров соответствующего размера: специфическая «форма» энергии, превращающая его в произведение искусства, *бесполезна* для получения энергии. Фатально, что «искусство» *начинается* именно там, где *заканчивается* «точка зрения» техника! Возможно, так вообще и везде дело обстоит с тем, что называют «культурой»? Тогда Оствальду следовало бы признать и *высказать* это совершенно ясно. Однако связь между его мыслями и «науками о культуре» остается полностью в темноте. Но вернемся к нему снова. Высшей формой улучшения баланса благ, возможной благодаря «обществу», очевидно, является формирование традиции переработки опыта путем образования общих понятий (с. 122). Как в конечном счете и всякая наука (с. 169), они служат предсказанию и овладению будущим через изобретения (с. 121–122). Кстати, согласно с. 162, «изобретения» совершали уже растения — довольно сомнительное «телеологическое» дополнение, а инструментом обобществления в этом отношении является язык.

Но увы! Дела с наукой о языке даже сегодня обстоят плачевно (глава IX)! После того как провалилась попытка «установить» фонетические законы (с. 127,128) — видимо, здесь Оствальд не вполне ориентируется в смысле и текущем состоянии этого вопроса, — профессиональные филологи не предпринимали никаких серьезных попыток со своей стороны подняться на высшую ступень любой науки и создать искусственный синтез языков, отвечающих энергетическим требованиям (с. 126). По-видимому, аналогом его значимости для органической химии выступает синтез мочевой кислоты. Таким образом, гигантское количество энергии теряется в прямых языковых конфликтах и международных языковых затруднениях, поскольку естественные языки оказались слишком несовершенными для этой задачи.

Последнее не вполне доказуемо. Оствальд явно не знает, в каком смысле он находится в «своем праве» по отношению к «филологам»: сохранение латыни как универсального языка ученых стало невозможно с Ренессанса с его пуристским выкорчевыванием мощных зачатков развития схоластической латыни, именно потому высмеиваемой в качестве «варварской». Отсутствие такого ученого языка действительно является важнейшим недостатком, тогда как грузовые перевозки обладают достаточным инструментом в виде английского языка. Последствия разрушения естественных языков не так просты, как предполагает Оствальд. Из-за ограниченности естественными науками (в *логическом*, а не предметном смысле) круга интересов у него практически исключено понимание позитивного созидательного смысла *именно* так часто раздражающей многозначности естественно возникших языковых образований. Между тем последняя лишь отчасти означает большую бедность, а отчасти — гораздо большее богатство потенциальных содержаний, чем это необходимо и обусловлено абстрагирующим образованием понятий.

Далее следуют главы о «Праве и наказании» (X), «Ценности и обмене» (XI), «Государстве и его насилии» (XII), в которых изложение ведется очень пафосно и отчасти нелепо, но в любом случае часто не совсем «энергетически» с точки зрения основополагающих постулатов. Как уже было сказано, со своей стороны я их пропущу, ограничившись лишь немногими замечаниями. Как и везде, в замечаниях о «воровстве» электричества (с. 12) Оствальд не осознает своеобразие юридического образования понятий: как недавно удачно продемонстрировал Еллинек, теперь интерес направлен не на «энергетические» признаки, а на те, что установлены правовой нормой (чужая движимая *«вещь»*). Здесь есть большой практический смысл, никак не связанный с химическим невежеством, при этом демонстрируется (возможно, в данном случае избыточная)

склонность к *формальному* процессу и именно законодателю, а не судье приписывается расширение правовых норм на «новые» факты: «форма есть враг произвола и сестра-близнец свободы». Является ли определенный состав «новым» в юридическом смысле, никогда не следует из одних лишь естественно-научных соображений, а в первую очередь выводится из *общего* контекста соответствующих бесспорных действующих *правовых* норм. Их складывание в *одну* непротиворечащую себе мысленную систему является элементарнейшей работой юриспруденции. Именно юриспруденция задает первичный масштаб для решения даже случаев, *prima facie* (а порою и безусловно) сомнительных с точки зрения их связанности нормой, что принципиально не станет отрицать даже сторонник идеи «свободного права». В какой мере для юриспруденции в случае необходимости может быть полезным естественно-научный способ рассмотрения, полностью зависит от конкретного случая. Именно в «*непредвиденных*» случаях решающее значение в конечном счете всегда имеют вовсе *не* естественно-научные (ценностные) соображения, независимо от того, покажется ли это химикю «отсталостью» или нет.

198

Дальнейшие замечания о смысле «равенства прав» (с. 142) и о «со-размерности» наказания (с. 143) — с требованием *меньших* сроков лишения свободы для социально привилегированных, поскольку на них те отражаются относительно жестче, — вряд ли носят «энергетический» характер. Скорее это будет соответствовать представлениям о «расплате», которые натуралисты обычно объявляют устаревшими. К близким, хотя и довольно сильно отклоняющимся в конечном счете результатам можно прийти и при «энергетическом» способе рассмотрения, но тогда нужно будет установить энергетический «баланс благ» между *нормой* и *отбываемым* наказанием. С точки зрения «баланса благ», Оствальд должен подвергнуться критике затраты формальной энергии на тюремные стены, химической энергии на содержание заключенных, биохимической энергии на тюремную администрацию, а затем спросить: с помощью какого минимума затрат энергии можно достичь «энергетическую» цель наказания, т. е. сохранение порядка путем устранения мешающих элементов.

Энергетически «баланс благ» оказался бы в этом отношении более благоприятным, чем рекомендуемая Оствальдом кастрация для носителей инстинкта убийства (почему только для них?), если довольствоваться очень небольшим расходом кинетической и формальной энергии, исходя из альтернативы: порка или повешение. Поскольку Оствальд особенно настаивает на необходимости сохранения рабочей энергии преступников для общества, то ничто не мешало бы «энергетически» различать их по профессиональному

труду: пенсионеров, а также филологов, историков и тому подобных лоботрясов, которые не улучшают энергетический баланс благ, вешать (кстати, учитывая их бесполезность, почему бы не начать уже сейчас, не дожидаясь совершения ими преступления?), а рабочих, техников, занятых умственным трудом предпринимателей и особенно многократно улучшающих баланс химиков, наказывать поркой. Если Оствальд отвергает эти выводы, то он должен ясно понимать, что определяющими для этого становятся другие соображения помимо «энергетических», но его сочинение предлагает только их. Точно так же высказывания о «правовом равенстве» содержат не «энергетические», а чисто «естественно-правовые» идеалы, тогда как вполне соответствующие старому физиократическому «естественному праву» замечания о «смысле» правопорядка (с. 26) своим энергетическим обоснованием вряд ли становятся более убедительными для того, кто в любом случае не разделяет их по совершенно другим причинам. На радостное убеждение (с. 38), что только «глупость» людей препятствует общему стремлению к оптимальному балансу благ, социальные историки, к сожалению, лишь покачают головой.

Смешение ценностных суждений и эмпирической науки проявляется повсюду самым роковым образом. То, что соотношение потребности и расходов не может определяться «энергетически», в конце концов мог бы понять и такой дилетант, как Оствальд, если его познакомить со столь же бесполезными, тождественными схоластическому мышлению рассуждениями о понятии экономической ценности и *justum pretium* (с. 152), в которых достаточно блужданий *intra muros*. Наконец, он сам признается, что фраза (с. 55) «общая проблема живых существ» заключается в том, чтобы «обеспечить себе максимально длительное существование, причем род должен пониматься как целостная сущность» (*sic!*), имеет не энергетическое происхождение. Но тогда, вероятно, ему следовало бы задать себе вопрос, откуда этот категорический императив с «причем» должен черпать свою легитимацию? Что мне «род»? *Естествознание* должно вообще отказываться отвечать на этот практический вопрос; в любом случае менее всего видно, как из какого-либо энергетического «баланса благ» может следовать какое-либо *этическое* обязательство вести себя по отношению к «роду» так или иначе.

В посвященных педагогике рассуждениях последней главы («Наука») в утверждении на с. 182 сразу проявляется отсутствие у Оствальда ориентации в состоянии научной педагогики. Разумеется, с замечаниями о преподавании религии (в примечании там же) согласится каждый, кто не связан конфессиональными или другими властными интересами; напротив, вопрос о месте древних языков именно исходя из его собственной точки зрения не так прост, как

он полагает. Меня поразило, когда один особо рьяный педагог строго клерикального направления (правда, вопреки официальному католическому мнению) высказал мне свою симпатию к *чисто* естественно-научному, по возможности, образованию молодежи (наряду с религиозным). От подобного образования он не ожидал никакого ущерба своим конфессиональным интересам (на мой взгляд с полным основанием и вполне в духе современного католицизма и его приспособляемости), но зато рассчитывал на искоренение свободно «субъективистских» идеалов и их замену на «органические» идеалы в духе томизма. С другой стороны, ученые первого ранга, чей страстный интерес к «техническому прогрессу» вполне удовлетворил бы и Оствальда, на основе своих семинарских опытов с «гимназически» и «реально» образованными учениками почти всегда отмечали меньшую обученность *мыслить* у последних — в конечном счете тоже «энергетически» значимый момент. В любом случае все эти вещи не так просты. Если «формирование характера» отождествлять с «развитием *социальных* свойств», а само это многозначное понятие — с «энергетически (т. е. технически) полезными свойствами», что, несомненно, происходит у Оствальда (с. 180), то это имеет свои последствия. К сожалению, они более далеки от достижения «свободы мысли и убеждений» в результате распространения естественно-научных знаний, чем он полагает в заключительной фразе книги (с. 184).

В соответствии со своей логикой Оствальд является и должен являться апостолом «порядка» и недопущения «энергетически расточительных» стремлений к идеалам, отличным от идеалов *технологических*. В качестве такового он неизбежно распространяет, хочет он того или нет (наверное, это происходит сильно вопреки его воле), установку на послушание и приспособление к *существующим* социально-властным отношениям, что было в равной мере свойственно *matter-of-fact-men* во все эпохи. Конечно, свобода разума *не является* технологически или утилитарно ценным идеалом и не обосновывается «энергетически». И непонятно, будет ли служить длительным интересам науки подчинение любого прогресса научной мысли такому ценностному масштабу, как практическое «господство» над внешним миром, даже исходя из самого этого масштаба. Не совсем случайно, что не *праотец* этой научно-теоретической точки зрения Бэкон, а совершенно иначе ориентированные мыслители создали методические основы современных точных естественных наук. То, что сегодня называют «поиском научной истины ради нее самой», Сваммердам на языке того времени назвал «доказательством мудрости Бога в анатомии вши»; и дорогой Бог как эвристический принцип работал тогда не так уж плохо. С другой стороны, следует признать самоочевидным, что *экономические* интересы тогда и сей-

час давали и дают необходимый газ таким наукам, как химия (и некоторые другие естественные науки). Но следует ли сегодня превращать эту *фактически* важнейшую для химии движущую силу в такой же «смысл» научного труда, каковым раньше были дорогой Бог и его «слава»? Тогда я предпочел бы последнее!

Если сделанные выше замечания могли произвести впечатление, что я считаю энергетический способ рассмотрения совершенно бесплодным для нашей дисциплины, то это не соответствует моей точке зрения. Вполне правильно внести ясность и в то, как формируются физические и химические энергетические балансы технических и экономических процессов развития. Оствальд совершенно прав, упоминая, что Ратцель извлек пользу из подобных обсуждений с ним. Это касается и всех нас. И безоговорочного одобрения заслуживает его общее замечание о том (с. 3), что необходимо выявить *все особые* высказывания, вытекающие из применения энергетических законов к социальным явлениям. Но когда он тут же добавляет, что при этом речь идет об «*основоположении*» социологии с точки зрения энергетики, то это именно следствие ошибочного контовского схематизма науки. Именно конкретные *отдельные* результаты химических, биологических и т.п. работ вызывают наш интерес всякий раз, как только оказываются в фокусе нашего внимания, а фундаментальные теоремы, напротив, только в виде исключения и никогда в качестве существенного «основания», как уже было показано выше.

201

Это обстоятельство всегда явно трудно понять представителям естественных наук, хотя на самом деле оно не должно удивлять мыслителя, стоящего на точке зрения «экономики мышления». Кроме того, нельзя отрицать, что терминология некоторых дисциплин, например нашей в экономической теории производства, решительно выиграла бы в однозначности от учета физического и химического образования понятий. Но все же Оствальд переоценивает все эти выгоды столь нелепым образом, что это постоянно вызывает усмешку у всех, кто хоть сколько-нибудь знаком с реальными проблемами «наук о культуре». Если данная рецензия здесь и там приняла несколько шуточный тон, даже в крайне скромных масштабах, учитывая способ рассмотрения наших проблем у Оствальда, то это не должно вводить в заблуждение. У меня есть веские основания не бросать камни в людей, которые делают некоторые *faux pas* при выходе из своей узкой области знаний.

Подобное экспериментирование с собственным образованием понятий в пограничных и смежных областях сегодня все более неизбежно, так что легко совершить ошибку. Но, учитывая безмерное высокомерие, с которым представители естественных наук пытаются смотреть на работу других (а именно исторических) дисци-

плин, которые в соответствии с иными методическими целями идут иными путями, следует сразу заявить, что и для такого выдающегося мыслителя, как Оствальд, вполне справедлива «12-я заповедь» Хвольсона. Он очень плохо разобрался в своих источниках информации и, кроме того, только навредил своему делу, применив во всех возможных областях (политической, экономической, криминальной, школьно-политической и т. д.) свои любимые практические *постулаты* в исследование, которое при чисто научной постановке вопроса, должно строго предметно ограничиваться *каузальным* охватом энергетических отношений и *методическим* охватом энергетических понятий. Подобные постулаты даже невозможно разрешить на основе «энергетических фактов», и у него *самого* они также определяются совершенно иными предпосылками.

При всех разности подходов это прискорбно. Несмотря на самую безжалостную критику бесчисленных гротескных промахов, которые присутствуют на 2/3 страниц этого жалкого сочинения (здесь не приведено даже десятой доли их), именно Оствальд был и остается умом, чей освежающий энтузиазм и лишенная всякого догматического застоя чувствительность к современным проблемам доставят каждому удовольствие от работы с ним в большой проблемной области «техника и культура». Впрочем, здесь уделено столько внимания этому сочинению не только из-за значимости его автора, но и по причине того, что оно вместе со своими достоинствами и недостатками является «типом» того, как *вообще* (грубее или тоньше) везде и всегда функционирует «натурализм», т. е. попытка выводить оценочные суждения из естественно-научных фактов. Из заблуждений в остальном выдающихся ученых часто можно узнать больше, чем из верных утверждений нулей. В сущности, ради характерных и типичных *заблуждений* здесь и было так подробно рассмотрено это маленькое уродство.

Ни одному историку, национальному экономисту или другому представителю дисциплин из числа «наук о культуре» сегодня не приходит в голову предписывать химикам и технологам, какой метод и какие взгляды они должны применять. Если представители этих дисциплин в конце концов научатся *такой же* скромности, это станет предпосылкой плодотворного сотрудничества, которого никто не может желать больше, чем автор этих строк. Ибо пока для них не стало общим достоянием даже базовое понимание того, что определенные исторически данные и *исторически* изменяемые *общественные* условия, т. е. конstellляции *интересов* определенного рода, делали, делают и будут делать возможным или же невозможным использование *технических* «изобретений» (и что тем самым от развития этих конstellляций интересов, а вовсе не от одних лишь чисто технических «возможностей» зависит то, как будет формиро-

ваться будущее технического развития), до тех пор плодотворный спор будет невозможен.

**Рекомендация для цитирования:**

Вебер М. (2020) «Энергетические» теории культуры. *Социология власти*, 32 (4): 180–203.

**For citations:**

Weber M. (2020) “Energy” Theories of Culture. *Sociology of Power*, 32 (4): 180–203.

Поступил в редакцию: 12.11.2020; принят в печать: 19.11.2020

Received: 12.11.2020; Accepted for publication: 19.11.2020